

АМО САГИЯН

перед
закатом

Известный армянский поэт Амо Сагиян принадлежит к среднему поколению писателей времён Советской Армении.

Им написаны десятки книг на родном языке.

Лучшие из них были переведены не только на русский, но и на многие другие языки.

В сборник «Перед закатом» изданный в 1969-ом году, поэт включил наиболее яркие стихи последних тех лет, воспевающие красоту родной природы и богатый духовный мир.

АРМЕНИЯ

Нет, не землей, не зерном,
камнем да мощью творцов,
высекших лиру на нем, —
вот чем и впрямь ты богата.

Честен открытый твой лик,
мудры слова твоих книг.
Веришь — и в этом одном
все, чем сильна и богата.

Цепь неприкаянных гор,
вынесших столько невзгод...
Нет их в походе твоём —
ты их участием богата!

Взор твой, сияющий взор!
Взгляд с Бюроканских высот
тонет в цветенье земном.
Зоркая, впрямь ты богата!

Вечное пламя души
всем раздаешь без конца,
в счастье далеких земель
собственной долей богата.

Словом, пред чьей добротой
страны открыла сердца
и неизвестным досель
словом грядущим богата!

НОВОГОДНЕЕ ОБНОВЛЕНИЕ

Прощанья миг
и встречи миг...
Струят часы
свой тихий звон...
Уставший год
в пиру возник,
благословил
и вышел вон.
Забудем белые виски,
как череду былых забот.
Повеселимся по-людски:
веселье — хворям вопреки! —
веселье — никакой тоски! —
сулит младенец Новый год.
Так выпьем стоя. Впереди
вся ночь. Стакан — не опустел.
Год Старый, доброго пути!
Год Новый, больше добрых дел!
Давайте выпьем за него!
Расшевелим свои сердца.
Извечна грусть, но — ничего,
ведь нет и радости конца!
Пускай сегодня вся и всех
веселье жжет своим огнем.
Пусть расцветет на лицах смех
и сеть морщин утонет в нем.
Светла душа — ведь Новый год!
и кровь свежа — ведь Новый год!
Дышать, как дышит буйный лист,
не как засохший вялый плод!
Что ж, мир — земле,
тепло — росткам!
Пусть достаются вновь и вновь
восторг раскрытия — лепесткам!
Влюбленным — Вера в их любовь!

Мудрец пусть сильным станет вдруг,
силач же — мудрым, как змея.
И пусть — чистосердечен друг,
великодушен судия.
Добру желаем в этот час
могучих крыл и высоты.
Желаем каждому из нас
чуть-чуть побольше доброты.
И всем — тепла, как в час весны,
от дружбы, общей и прямой —
из глубины, из глубины,
из глубины души самой.
Светла душа — ведь Новый год!
И кровь свежн — ведь Новый год!
А кто в себя не заглянул —
себя едва ли знает тот.
Теперь нальем еще свина.
Нам выпить следует давно
за нашу жизнь — она одна,
и повторенья не дано!
За жизнь! За наше мастерство,
далекое от суеты!
За первый снег — из-под него
возникнут первые цветы.
И за вино! Все чаши враз
состукнем: пусть пьянит и впредь!
Пока не одолело нас —
его нам надо одолеть!
Пускай сегодня всех и вся
веселье жжет своим огнем,
пусть он шумит, всерьез грозя,
что сеть морщин исчезнет в нем.
Повеселимся в Новый год!
Расправим плечи в Новый год!
И если мир еще горбат,
согнемся — но исправим горб!

МЕНЯ В ИНОМ МЕСТЕ НЕТ

Жду в гости вас, к вашим услугам весь я,
Очаг мой всегда согрет;
Но можно найти меня только в песне,
В ином меня месте нет.

Изысков в песне моей не ищите,
Не броска она, чиста;
Как и во мне, в ней, друзья, не взыщите,
Первобытная простота.

Дом песни моей как дом моей бабки,
Армян вековое жилье.
К каждому камню его как собака
Привязано сердце мое.

Не входите, поверните обратно,
Если к роскоши вас влечет.
Будет времени лишней тратой
В этом случае ваш приход.

Мой дом не для славы по камню собран,
Не стандартного образца:
Я построил его, чтоб в тепле его добром
Согревать и сближать сердца.

Обращено мое сердце к двери,
С трепетом ждет гостей.
Кажцому слову прошу вас верить
В доме песни моей.

Жду в гости вас, к вашим услугам весь я,
Попросите — жизнь отдам;
Но можно найти меня только в песне,
Застать меня толью там.

ПУТЬ ДЕТСТВА МОЕГО ПРОЛЕГ

Путь детства моего пролег,
Где плещет каменный поток
Из всех расщелин, пор,

Где бездна — крепость, скалы — щит,
Где круча с кручей говорит,
Язык усвоив гор.

Пришел из мира я того,
Где каждый камень — волшебство.
Сил не сдержав напор,
Он вдруг срывается с высот,
С размаху в грудь земную бьет,
Как вспышка молний скор.

Могуч, рождает он орла.
Раскинув два своих крыла,
Он рвется на простор,
Он в небе шарит наугад —
Не встретится ль ему собрат,
Горячий метеор.

Из камня я на свет рожден.
Волнение каменное он
Вложил мне в грудь. С тех пор
Из камня я кую мечту
Из камня бережно плету
Я шелковый узор

И ВНОВЬ ИДИ

Заходит солнце, пламенея,
Уж стала тень твоя длиннее
Тебя в десятки,
Сотни раз,
Она безмерно разрослась,
Далеко протянулась вниз,
Вот-вот достигнет
— Обернись! —

Той котловины головой,
Откуда путь ты начал свой.

Сотри со лба горячий пот
Ты тенью облака пушистой
И вновь иди.

Что ж не спешишь ты?

В дорогу!

Нет пути назад.

Иди,

Чтоб встретить свой закат
На снежной целине вершины,
Чья чистота ненарушима,
Что всех поздней темнеет,
Брат.

БАЛЛАДА О СЕМИ ВСАДНИКАХ

Семь раз пропел на дворе петух,
И даль озарилась семью огнями,
Семь раз зажегся, семь раз потух
Свет молний ночных за семью горами.
Семь раз прогудел колокольный звон,
Семь филинов взмыли с ветвей тополиных,
Семь вражеских ратей с семи сторон
Расположились в семи долинах.

Забились тревогою семь сердец,
И семь богатырских коней заржали,
И семь молодцов — к молодцу молодец —
В семь разных сторон на врага поскакали.
Они поскакали, как семь смерчей,
Как семь ураганов, как семь смертей.
Как семь предвестий, как семь видений,
В семи долинах семь дней и ночей
Пылало пламя семи сражений.

Звенело оружие, и в блеске огня
Семь всадников бились семью мечами.
И лишь на закате седьмого дня

Семь орд отошли и утихло пламя.
Семь раз семь коней проржали в горах,
Старухи семь раз прорыдали впотьмах,
Отцам семи героев приснилось
В седьмую ночь семь нерадостных снов.
Приснилось, что выпало семь зубов,
Что семь оборвалось плетеных мостов,
Семь бельх саванов износилось.
Прошло над землею семь дней и ночей,
Окрашенных кровью семь зорь отмелькали.
Семь взмыленных, семь сиротливых коней
В селение без седоков прискакали.

Пугая женщин, детей, стариков,
Семь верных коней без семи седоков.

Читали в церквах, как велит наш закон,
Псалмы семь недель и семь дней в неделе,
И плакали семь овдовевших жен
И семь младенцев в семи колыбелях.

Минуло семь лет и еще семь лет,
И семь столетий друг друга сменили,
Семь вражеских орд!..
Где их память, их след?
Их люди проклинали и позабыли!

А тех семерых покоится прах
В семи сторонах, на семи холмах.
И помнят потомки до нынешних дней
Семь песен о подвигах их незабвенных,
Семижды в году семь нетленных огней
Горят на семи их могилах священных.

КАМНИ АРМЕНИИ

Вы, камни родины моей,
Армении живые камни,
Обломки храмов, крепостей,
Вершин сторожевые камни,
Взывающие к небу, ввысь,
Сползающие в бездну, вниз
Под бури гром и ветра визг,
Седые, вековые камни!
Вы всюду, взгляд куда ни кинь...
Как знать, с зубцов каких твердынь,
С замшелых стен каких скитов
Сорвались, подавляя стон...

Вновь вашу песнь я петь готов,
Из ваших недр мой стих рожден,
Уставшие в скитаньях злых,
Бурь испытав разящий дых,
Вы, обделенные не раз,
Испепеленные не раз,
Спасенные (в который раз!),
Армении святыя камни.

Топча друг друга и тесня,
Вы сходитесь вокруг меня.
Взаимный жар вас раскалил,
Друг к другу забираясь в тыл,
Перекосились от потуг,
Вот-вот сомкнется тяжкий круг...
Я слышу ваш упорный зов,
Вновь вашу песнь я петь готов,
В узорах ссадин и рубцов
Застывшие, седые камни!

Распластывались средь травы,
Ложились по ущельям вы
Тысячелетья слой на слой,
Смирившиеся с долей злой.
Вновь вашу песнь я петь готов,
Ваш повторять немолчный зов,
Висящие вниз головой
Над бездной, как проклятье, камни.

Распарывали сколько раз
Чело и грудь вам, разъярясь,
Кинжалы огненные гроз.
Тысячелетьями пришлось
Вам преграждать друг другу путь,
Вам сталкиваться грудь о грудь,
Друг друга брать в объятия, камни.

Вы всяких форм и всех пород:
Как жернов этот, строен тот,
Один рогат, другой горбат,
А этот крылья распростер.

Но каждый ваш осколок свят,
Вы, бедам всем наперекор
Готовые дышать, летать,
Мечтать, от счастья трепетать,
Исполненные дум и тайн,
Вновь разомкнувшие уста,
Поющие, немые камни.

В кремнистых жилах затаен
Сноп искр. Прорвется к небу он,
Когда, обиды не стерпев,
Вы боль не сдержите и гнев.
В безмолвье каменном своем
Таите вы стенанья. В гром
Перерастая на лету,

Истерты под моей ногой,
Обтесаны моей рукой,
Цветами стали вы, в цветы
Оделись, новые черты
Обретшие, резные камни.

Усвоив каменный закон,
На будущее буду впредь
Глазами вашими смотреть,
Вы, преломленные во мне,
В моей поющей глубине,
Армении родные камни.

Семь красок радуги вобрав,
Счастливым Ереваном став,
Вы изменили вид и нрав,
Цветные, кружевные камни!

ПРОЖИТЬ МНЕ ТАК

Пусть помрачится свет моих глаз,
Только бы в слово мысль облеклась,
Только б, изведав над словом власть,
Не промолчать, не промолчать.

Пусть превращусь я в песчинку на дне,
В плаче истаять пусть сужено мне,
Только б в .извечной земной кутерьме
Не измельчать, не измельчать.

Пусть мне заботы на плечи легли,
Только бы новые дали влекли,
Чтобы собою мне этой земли
Не отягчать, не отягчать.

Тысячу лет так прожить я готов,
Биться о тысячи скал и хребтов,
Тысячи бурь одолев и ветров,
Духом крепчать, духом крепчать.

* * *

Туча загремела на вершине...
Задрожали веточки кислицы.
Вздулись почки, в чаще всполошились
И глаза крылом протерли птицы.

Туча загремела на вершине...
Влагою исходит сердце леса,
Водопад в волнение заалелся
И разбился вдребезги в лощине.

Туча загремела на вершине...
Ветерки порхнули по ущелью,
На устах у леса поспешили
Превратиться в неумолчный шелест.

Туча загремела, заворчала, —
Вновь весна хлопочет в поднебесье.
Сердце, словно туча, ты молчало,
Загредишь и ты сегодня песней.

СМЕЯСЬ НАД СВОИМ ГОРЕМ

Я разнo жил. То жил — не зря,
друзьям всего себя даря.
То, поговоркой говоря,
на море сеял воду.

То предо мной, неуловим,
и век летел, как легкий дым,
то, полн грядущим и былым,
был день подобен году.

То брел я в лес и в дождь, и в грязь,
то порывал с природой связь,
чужому городу дивясь
и чуждому народу.

То цвел с землей в родном краю,
то хоронил в ней жизнь мою,
готов с младенцем — к бытию,
а с мертвецом — к уходу.

В паденье ль, в страшной глубине,
в счастливом ли и лживом сне

судьба свою являла мне
игривую природу, —

но я, и юный и седой,
всегда смеялся над бедой
и для земли моей простой
обузой не был сроду.

* * *

От звука струн моих, от струн моих
твоим утихшим струнам не звенеть.
От жарких ран моих, от ран моих
твоим уставшим ранам не гореть.
В тени грехов моих, грехов моих,
твоих грехов уж не коснется плоть.
От ветра рук моих, от рук моих,
уж и рукам твоим не цепенеть.
И это все не есть ли грех твой тяжкий,
столь явный мне, что слов не надо впредь.

МНЕ НЕЧЕГО СКРЫВАТЬ

Что мне скрывать? Вот говорю,
и что в словах — все то ж в душе.
Нет, если я еще горю —
огонь не погасить уже.

Немало мук я претерпел,
рыдал и пел,
рыдал и пел,
и мысль жила во мне, слепя:
себя познай, познай себя!..

Не день прошел, не пять, не сто.
Пусть с опозданием, но все ж,
от правды отделяя ложь,
в себе я понял кое-что.

Чем больше в сердце принимал,
как в океан, морей-забот,
тем лучше, глубже понимал
любой свой жест, любой свой ход.

Не обманувшая любовь
мне проясняла что-нибудь,
а тот, прошедший через кровь,
побагровевший Млечный Путь —
путь снов моих.

Кто мне помог
познать себя за долгий срок —
так это пламенный рассвет,
и труд, оплаченный стократ,
и веры в жизнь бесценный клад,
и честной крови чистый цвет.

Так, не спеша, за мигом миг,
я в самого себя проник.
За шагом шаг, без суеты...
Я больше думал, чем вещал,
и, кто просил глоток воды, —
тому реки не обещал.

Мое общение с судьбой
разумней стало и тесней.
И сам я, право, стал теплей
и всех готов согреть собой,
чтобы не вдруг, за мыслью мысль,
открыться всем чуть погодя
и душу радостно омыть,
как в час грозы, в момент дождя...

Богаче песня и душа.
И мысль доходит до сердец.
И потихоньку, не спеша,
я понимаю, наконец,
как прав, когда другим дарю
все-все, что только есть в душе.
И если я еще горю —
огонь не погасить уже!

О том, кто я и что

Сурену Агабабяну

Твоим глазам ответствовать спешу:
кто я и что,
где голову сложу?

Последний лист в последние часы
во взгляде истончившейся росы
сокрыть свой образ тающий спешит,
сокрыть свой облик внутренний и вид.
Я — страсть листа к продлению бытия,
и жизнь его, и тайна — это я.

Вот глас влюбленной птицы, и она
запомнить песню всякий раз должна,
когда свой клюв протянет тяжело —
надломленное выправить крыло.
Я — это вздох крылатый соловья,
его восторг крылатый — это я.

А вот ручей. Весь путь неблизкий свой
он бьется сумасшедшей головой.
о камни. И бежит от разных бед,
не зная сна, — не знаю сколько лет.
В его бровях — вон белый след забот,
и, голубой, — весь в белой пене рот.
Вот добежит студеный ток воды,
и оживут засохшие цветы.
Я — это совесть чистая ручья.
И боль его, и мука — это я.

Вот пашня — так и кажется земля
небесным сводом, павшим на поля.
И, промеряя павший небосвод,
на полдороге ветер устает.

О, эта пашня силой налита,
она глядит — спокойна и чиста.
Я — тайный зов далекого жнивья.
Грядущий шелест поля — это я.

А та пещера — самый первый дом,
где пращур мой огонь хранил с трудом.
Безмолвно смотрят впадины-глаза,
из них точится камень, как слеза.
Я — хлад, я — дрожь безлюдного жилья.
Безмолвный стон пещеры — это я.

Самой природы зрение и слух,
я — дух ее, но ставший плотью дух.
Ровесник и свидетель детских лет,
С природой рос и с ней вошел в расцвет.
Я — недоступный для небытия
двойник самой природы — вот кто я!

Я — вздох вселенной. Именно таков оживший опыт
всех ее веков. К ее мирам безудержно стремясь, в их
близость верю, в их взаимосвязь. Я их любви,
безумья, забытья донесшееся эхо — вот кто я.

Но вновь вопрос во взгляде разгляжу:
кто я и что,
где голову сложу?

ЧЕЛОВЕК

Ты — земнородный, ты и бог,
Ты и пустыня, и поток,
Ты бездна, ты и крутизна,
Ты и улыбка, и слеза,
Ты радуга, и ты буран,
Ты Млечный Путь, и океан,
И ты же, позабыт и тих,
Тропинка в зарослях густых.
Ты и огонь, ты и цветок,
Ты жжешь и гибнешь у дорог,
Природа ты, и часть ее,
И в том призвание твое.
Ты древность дальняя, и ты
Гворишь в грядущее мосты.

НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТСЯ

А Когда умру, прожив остаток лет,
Деревья шелестеть не перестанут.
На пятом этаже погаснет свет,
Твои глаза чуть-чуть темнее станут.

И снова птицы полетят на юг,
И во дворе раздастся смех ребячий,
Покроется росой зеленый луг,
В ней отразится солнца луч горячий.

На пятом этаже зажжется свет,
Твои глаза опять искриться станут.
Когда умру, прожив остаток лет,
Деревья шелестеть не перестанут.

НЕ ПОЙМЕШЬ

Чем ущелье глубже, уже,
Тем синее небеса,
Первозданной синей стужи
Кверху рвется полоса.

Друг на друга лезут скалы,
И метутся облака.
Не поймешь — гремят обвалы
Или бесится река,
Что грызет себя века?

СНЕГ ПОЙДЕТ

Все сильнее туман туманит,
Ветра робкая рука
Листьями шуршит и тянет
За подолы облака.

Где их прежняя отвага,
Где их молнии, грома?
Даже день продрог, бедняга.
Снега жди. Грядет зима.

КАК ЛАДЬЯ

В Араратской долине бескрайной
Вновь сады стали зябью багряной,
Морем яростной желтизны.

И гнездо опустевшее аиста
В море том желтопенном качается,
Как ладья на гребне волны.

* * *

Горит в ущелье!
По склону вниз,
Весь в огненной бахrome,
Летит водопад,
А по склону вверх
Вослед уходящей зиме,
Тяжелым тучам наперерез
Взбирается хвойный лес.
Напротив береза, легка как сон,
Одна каменистый венчает склон;
Пещеру листвой завесив,
Пригнулась, готовая взять разгон,
Чтобы перебраться к лесу.
Ущелье стремительнее стрелы
Перелететь бы рада,
Да как бы не опалить листвы
В пламени водопада!

* * *

Трезвонил зеленый ветер,
Зацветшими мча степями,
Зеленую песню детства
Повторяя на память.
Безумствовал красный ветер,
Разбушевавшись как пламя,
Юности красную песню
Повторяя на память.
Шарахался желтый ветер,
Шуршал на жнивье снопами,
Желтую песню зрелости
Повторяя на память.
Печалится белый ветер,
Вздыхает, запутан в зарослях,
Повторяя на память
Белую песню старости.

ВЕТЕР

То песни насвистывает скале,
В плаще из лохмотьев туч,
То, ранив крыло об уступ во мгле,
В долину срывается с круч.

То зверем ревет посреди высот,
То в бездне гудит глубоко,
То вдруг, подкравшись, тебе шепнет
Таинственно на ушко.

То пробует силу над ширью нив,
Хлебов подымая плеск,
А то, решение переменив,
Уходит поспешно в лес.

То в страхе вдруг покидает склон,
Со всех удирает ног,
То, глядь, торжествует победу он,
Собрав золотой оброк.

Когда попросишь: «Со мной побудь», —
Прочь кинется, ошалев.
А скажешь: «Стихني, довольно дуть!» —
Назло зарычит как лев.

Ну что ж, пусть свищет, коль нрав тако»,
Он сам за себя в ответе,
Все ж хочется знать мне — в конце концов,
Чего он желает, ветер ?

ДЕНЬ УГАСАЛ

День угасал...
Печаль сменилась болью,
Воспоминаниям грустным
Дал я волю...

На гумнах, весь в соломинках,
Натружен,
День блекнет. В доме
Собирают ужин.

С ущербной луной небосвод
Покровом млечным
Задумчиво спускается с высот
Стогам на плечи.

Неспешно собрались — пора пришла —
Все домочадцы,
По старшинству, степенно вокруг стола
Идут, садятся.

Ждут деда, хоть давно уж стол накрыт,
Таков обычай.
Когда же колокольчик зазвонит
На шее бычьей?

И вот явился дед, возглавил стол,
Осанист, важен;
С ним ветер с поля вместе в дом вошел,
Душист и влажен.

Взять бабушка едва лишь собралась
Половник старый,
Как с гомоном пустились ложки в пляс,
Нарушив чары.

Пар из котла на балке потолка
Осел как бусы,
Подняв глаза на них исподтишка,
Смотрю, люблюсь.

Ем танапур* горячий и лаваш
С пучком самита**,
И кажется нехитрый ужин наш
Роскошным, сытным.

Мой отчий дом сегодня пуст и тих,
На этом свете
Остался я да мой нехитрый стих —
Тех дней свидетель.

День угасал...
Печаль сменилась болью,
Воспоминаниям грустным
Дал я волю...

*Танапур — суп из кислого молока.

**С а м и т — съедобная трава.

* * *

Мы с тобою, ночь, прибой — словно аналой,
В мире четверо всего нас в ту пору было.
Знало б утро, что оно — наш разлучник злой,
То, должно быть, никогда бы не наступило.

Я себя в тебе искал ясной ночью той.
Воедино слив сердца в озаренных высях,
Там раскачивались мы, на звезде повиснув...

Только мы с тобою, ночь, да морской прибой.

ЗДЕСЬ СОЛНЦЕ МЕРЗНЕТ

Стынут здесь земля и песок,
В море светила мерзнут.
Вбирая солнца горячий сок,
Там сладкие зреют гроздья.

Здесь луч не греет, остужен, сер,
Дрожь пробирает сосны. —
Там даже в темную глубь пещер
Пробирается солнце.

Хмурое, тусклое, как из свинца,
Вспыхнуло б море это,
Когда б коснулась его лица
Ладонь армянского лета.

ЗАКАТ В ГОРАХ

Вот как происходит у нас издревле:
Солнце садится у гор в тылу,
Тень горы обнимает скалу,
Тень скалы обнимает деревья,
Тени деревьев с рекой текут,
Головы клонят на грудь долины,
Протянувшись дорожкой длинной,
Тени к теням неотступно льнут.

Так возникает волшебный вечер,
Так происходит у нас извечно.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

На мощных рогах утесов шатром повиснув,
Стелет вдоль по ущелью белую прелесть свою,
Белую нежность — податливый, шелковистый
Первый снежный покров в этом горном краю.

В белом смирении, в безмолвии белом таится
Трепет подспудный и чудится шелест глухой.
Это проснулись грез моих белые птицы,
Крылья взметнули бесшумно одна за другой.

В сон погружаюсь белый, стираются грани,
Отступили тревоги, белый покой вокруг.
Светлая эта легенда юности ранней
Вновь повторяется с первым дыханьем вьюг.

Снова падает снег, надежду даруя,
Светел и тих, как прежде, светел и тих.
Но никогда на бровях не растает моих
Память его холодного поцелуя.

СТИХИ О МОИХ СВОЙСТВАХ И СПУТНИКАХ

* * *

Я ЗРЕНИЕ издавна считаю
Своею сильной стороною.
Я цвет опасности спиной,
Цвет солнца кожей ощущаю.
Глаза открою — вижу путь,
И снег, и небо меж горами,
Но лишь закрытыми глазами
Могу я видеть жизни суть.

* * *

Мой СЛУХ способен уловить
И тихий шепот двух влюбленных,
И звуки слов неизреченных,
Что стоило бы утаить.
Я слышу щебет птиц во ржи,
И гром, и тишину молчанья,
И даже правду ото лжи
Я отличаю по звучанью.

* * *

Я ПАМЯТЬ не сравню с женою.
Ах память, память!
Мне она
Не изменяла молодою,
Теперь — старуха — не верна!

* * *

ВОЗМОЖНОСТИ мои,
Какой в них прок,
Когда не смог
Я сделать то, что мог?

* * *

ТЕРПЕНИЕ мое — мой вол,
Он тянет плуг, покуда может.
Идет мой вол, хоть путь тяжел,
Идет, ярмом стирает кожу.
Но знаю я, что день придет,
На камень лемех вдруг наткнется,
Воловья жила оборвется,
Воловье сердце разорвется,
И вол на поле упадет.

* * *

Ах, ДОБРОТА моя, ты — умница,
Но как с тобой мне жизнь прожить?
Ты словно жертвенная курица,
Которую нельзя сварить.
Она в моем саду копается,
Но гнать ее не полагается,
Она клюет зерно весь год
В моих владениях, а яйца
В чужом курятнике кладет.

* * *

Мои ИЗЪЯНЫ...
Что там говорить!
Их очень много — не один десяток,
И то, что я их не умею скрыть,
Быть может, мой крупнейший недостаток.

* * *

НЕВЕЖЕСТВО мое, какой ни есть.
Я от тебя избавиться старался,
Казалось мне, что я с тобой расстался.
А ты нетчнет, да подавало весть.

* * *

Как с ОДИНОЧЕСТВОМ мне быть?
С ним быть наедине мне хочется,
Но не одна связует нить
Мое и чьи-то одиночества.
И каждое внутри и вне
Толпы чужих имен и отчеств,
И трудно оторваться мне,
Уйти от стольких одиночеств.
Никто не слушает меня —
Ни блажи, ни моих пророчеств,
И всюду шум и толкотня,
И всюду толпы одиночеств!

* * *

Ты, СЧАСТЬЕ, не ручная птица,
Случайно залетев в мой дом,
Торопишься освободиться
И улетаешь, а потом
Мне птица счастья долго снится.
И верится в нее с трудом.

* * *

ПЕЧАЛЬ ко мне все льнет и льнет,
Во мне пристанище находит,
Отдохновение от забот.
Она придет и не уходит
И сотни доводов приводит,
Оправдывая свой приход!

* * *

Вы, ЗАМЫСЛЫ мои, как пчелы божьи,
Вы спите в улье.
Как бы я ни ждал,
Проснетесь в срок — не раньше и не позже,
А если час еще ваш не настал,
А я вас ненароком потревожу,
Не уберечься мне от ваших жал.

* * *

БОГАТСТВО, что к нему стремиться?
В двух случаях клянем мы свет:
Когда есть деньги, нам не спится,
Не спится нам, когда их нет.
Я не завидовал нисколько
Ни беднякам, ни богачам,
Завидовал я тем — и только, —
Кто спит спокойно по ночам.

* * *

БЕДНОСТЬ мне была верна,
Дай ныне не сдается.
Обо мне она печется
И, как бывшая жена,
Все грозит: вот-вот вернется.

* * *

ЗАБОТЫ вновь меня одолевают,
Их гнет и произвол — я все терплю.
Поздней меня заботы засыпают
И бодрствуют, когда еще я сплю.
Но я смеюсь, злорадствуя уныло,
Предчувствуя теперь, что день придет, МВ
И долг препровождать меня в могилу —
Хоть это будет вне моих забот!

* * *

В чем состоит мое СТРЕМЛЕНИЕ:
Не быть обузой никому.
Свой груз, печали и сомненья
Нести стараться самому.
Стремился я сказать вам слово,
Которое б осталось впрок.
Не погубить зерна такого,
Которое взрастить бы мог.
Стремился жизнь прожить, как надо,
Все завершить свои дела,
Мечтал, чтоб легкой смерть пришла,
Как справедливая награда
За жизнь, что легкой не была!

* * *

Чуть весна — сумбур в теснине
Воротана поднялся:
Из-под скал нависших — сине
Заструились небеса.

Ручейки осатанели,
Ошалело все вокруг.
Волны вдруг окаменели,
Зашагали скалы вдруг.

* * *

Из-под камня возникнув где-то,
Вьется, вьется по краю света,
Тянет воду из Лорагета
В жажде тропинка.

Издалёка за мной следила,
Издалёка звала, будила.
К Лорагету поить водила
Не однажды тропинка.

Чуть ступлю — на дыбы вставала,
Гору в красное одевала,
Склоны зеленью укрывала
Старушка тропинка.

Дав из горсти попить до отказа,
О прохожих вела рассказы,
У меня ж не взяла ни разу
Ни полушки тропинка.

ВОЛ

Был он надеждой семьи бедняков,
На шее ярмо, пот курился с боков,
Нес он луну меж корявых рогов,
Вол был таков.

Плуга судьбою был, пылом его,
Тяглом, ракетой был он его,
Вдоль по орбите носил он его,
Был силой его.

Дыму ертыка* был кровной родней,
Тенью был стада, удачи виной,
Был хлебопашцу опорой, клюкой,
Правой рукой.

С дом вырастал он, огретый хлыстом,
Нравом упрям, был смирён под ярмом.
Что тут поделаешь? Вся беда в том —
Вол был волом.

Сено, солому щипал из скирды,
Сам был ходячей скирдой доброты,
Жребий извечной терпел тяготы
И маеты.

Вечер... Темнею, как неба края.
Я — тот же вол. Плуг мой — песня моя.
Все же, хоть пот с меня льет в три ручья,
Тяну еще я.

*Ертык - очаг.

СКАЛЫ

Ущелье каменных чудес, изваянных веками:
В броне из камня, не склонясь под грузом тяжких лет,
Готовы в бой, стоят застыв полки перед полками
И в строгом каменном строю тысячелетья спят.
Из глаз пещер струится вниз, пропарывая скат,
Окаменевших слез поток. Искусными руками
Что только время ни творит, ни лепит наугад! —
Каменогорбые идут верблюды мерно в ряд —
Вот-вот на звон их бубенцов ответят камни.
Как из преданий занесло в застывший этот стан
Угрюмых каменных быков с осанкою могучей?
На мордах — мох и мгла, рога их увенчали тучи...
Миг — и столкнутся лоб о лоб они, от сна восстав...
На выступах ребристых скал спят каменные птицы,
А там, внизу, на самом дне ущелья, Воротан,
Те чудеса зарисовав, с добычей к морю мчится.

ЗАСУХА В ЛЕСУ

Тень ищет тень...
Засушливое лето...
Лес обнажен —
Деревья как скелеты.

Во мгле пещеры,
Как в пустой глазнице,
Замыслив злое,
Ветер гор таится.

От страха съежась,
Голосят бессонно,
Вещая беды,
По ущельям совы.

Мох под дугой
Надбровною утеса,
Спаленный солнцем,
Сажею растерся.

Зря тетерев
Хоть каплю ищет влаги
В коленном сгибе
Ясеня в овраге.

Поникшей ветки
Пальцы заскорузлые
Ощупывают
Высохшие русла.

Губа гриба,
В дупле ольхи зажатая,
Растрескалась
От нестерпимой жажды.

Вдруг гром вдали,
То явственной, то глуше,
И сразу листья
Наострили уши.

Терпенье! —
Совесть туч заговорила,
Вот-вот они
Гремя расплавят крылья.

ОСЕНЬ ВХОДИТ В ТЕСНИНУ

Отступает в теснину
Побежденная осень,
С болью смотрит ей в спину
Побледневшая просинь,

Смотрят воды и горы,
Облака и камни.
Как печальны их взоры,
Сколько в них сожаленья!

И Я УНОШУ ЧТО-ТО С СОБОЙ...

Как нов сегодня лес —
Весь в золоте завес.
Что делал бы я без
Его даров сегодня.

Гляжу и не пойму,
Так много почему
И сердцу и уму
Он говорит сегодня.
Во сне ли, наяву
Я слушаю листву,
Плод падает в траву:
День сладости сегодня.

Лес добрый, как отец.
Задумчивый баgreц.
— Дуб вечный здесь мудрец, —
Я говорю сегодня.

Сшибать плоды с суков,
Толкать со всех боков,
Взметать листву — таков
У ветра нрав сегодня.

Я горизонта взгляд
Поймал лишь наугад,
Но как безмерно рад,
Как счастлив я сегодня.

С собой я унесу
Осеннюю красу.
— Ты, ветер, знай — в лесу
Не все твоё сегодня.

И КАЖЕТСЯ

Горизонт открыт, и небо ясно,
Ветерок рассветный задремал.
Жизнь моя как будто не подвластна
Времени: мне кажется — я мал
И сучу ножонками босыми
И устало дышит, тяжело
Уходящая к небесной сини,
Проходящая через мое село
Пыльная заросшая тропинка,
Где видна мне каждая травинка...
Горизонт открыт, а небо ясно,
Ветерок рассветный задремал.
Жизнь моя как будто не подвластна
Времени: мне кажется — я мал.

ВЫ ХОРОШИЕ, ЛЮДИ...

В моем доме всегда
Двери настежь открытыми были.
Кто уходит — иди.
Кто приходит — прошу к очагу.
Хоть не ведал мой дом
Ни излишества, ни изобилья,
Я делился последним,
Иначе я жить не могу.
Раздавал, что имел,
Не считал свою щедрость за бремя,
Раздавал по зерну и горстями,
Пожалуйста — хлеб и жилье,
Раздавал я огонь, силу рук,
И улыбки, и время,
Если что-то не дал,
То не дал только горе свое.
Раздавал я и то,
Что однажды дается на свете.
Чем щедрее я был,
Тем обидчивей делались вы,
Вы роптали, злословили,
Ставили злые сети,
Лишь бы, жадному, злобному, мне
Не сносить головы.
Все вы взяли — и счастье,
И жизнь по кускам разобрали,
А взамен лишь надежду
И горе оставили мне.
И, однако, чем далее
От меня отдаляться вы стали,
Тем мне сделались ближе,
Подобными кровной родне.
Хоть измучен я вами,
Но все вы — хорошие, люди,
Вы — хорошие, люди, —

Твержу и зову к очагу.
Вы — хорошие, люди,
Хотя вы пристрастные судьи,
Но без вас я и жить,
И погибнуть и то не могу.

* * *

Люблю луну, и Млечный Путь,
И визг мальчишеской оравы,
Севана голубую грудь,
Реликвии армянской славы,
Струящийся по скалам мох,
Снег
Под ногами у влюбленных,
Короткий облегченья вздох
Людей, работой утомленных,
Поэзию и труд поэта
Всю ночь — до самого рассвета.

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Родимая моя деревня,
Слушай:
Пыль на моих ногах —
Со всех дорог,
Мне голову осыпал звездный пепел,
Сжал сердце круг пещерного безмолвья
Я — блудный сын,
Ты исповеди сына
Послушай запоздалые слова.
В моих ушах —
Осенний желтый шорох,
В моих глазах —
Сквозь слезы десять солнц.
Вхожу;
Передо мною двери настежь
Твои, деревня...
Что ж тебе сказать?
Куда их увела седая вечность,
Тех скромных величавых стариков,
Сидевших под стенами древней церкви
На бревнышке, всегда по росту в ряд,
По мудрости, да и по чести в ряд.
То были боги,
Но земные боги,
Пропахшие не небом, а землей.
Сквозь бороды,
Достойные богов,
Они людей благословляли щедро
И не щадили ничего на свете,
Ну ничего,
Чтоб в наших диких душах
Хоть семечко посеять доброты.
Куда седая вечность увела
Тех, кто своею памятью нетленной
Сопровождал нас к давним времена:

А мы —
Еще в пеленках —
Открывали
И пучили на прадедов глаза.
Рождались мы,
Сражались, умирали,
И даже, десяти достигнув лет,
Родной земли все муки постигали,
И даже, десяти достигнув лет,
Взрослели мы на три тысячелетья...
Так где ж они?
Я никого не вижу.
Хочу живою жалобою стать:
Кричать и отрицать закон, который
Всегда обратной силы не имеет.
На бревнышке — другие старики,
Другие боги,
И опять — земные,
Такие же простые и родные
И щедрые не меньше прежних, тех,
Дававших нам свое благословенье.
Но я не знаю их.
А как узнать
Любимого когда-то друга детства:
За бабушкиным розовым подолом
Скрывались, напраказив, часто мы.
Родная, незабвенная деревня,
Вот тополь —
Часовой твоих дорог;
Он стал неузнаваем,
Словно в детстве
Не я его поил с моих ладоней,
А воду пил он досыта из туч.
Что мне сказать?
Меня узнает вряд ли
И тот, с которым в близком я родстве.
Малыш проходит, бровку подымает,

Я в отрочестве тоже так играл.
Ах, что сказать мне,
Если, сидя рядом,
На милых и родных твоих камнях,
Собаки на меня свирепо лают
Или, поджав лохматые хвосты,
С непостижимым страхом удирают
От городского вида моего.
А если я себя не назову,
Меня, пожалуй, не узнает даже
Та, что все письма, присланные мною,
На память помнит,
А из песен строфы
На занавесках любит вышивать.
Но все равно, родимая деревня,
Я никогда тебя не забывал,
А если забывал,
То удалялся
Сам от себя.
Себя позабывал.
Проснулась совесть,
Я к тебе вернулся
И не припомню, чтоб когда-нибудь
С таким благоговением глубоким
Я землю обнимал
И преклонялся
Перед твоею чистою душой.
Вернулся я,
Чтоб с прахом дальних предков
Беседовать и чтоб себя понять,
О невозвратном прошлом вспоминая.
Вернулся я,
Чтоб слушать, слушать, слушать
Шиповника невыразимый шепот,
Чтоб уснуть под этот шепот, и проснуться,
И на заре вдохнуть студеной воздух
Твоих вершин и пропастей твоих.

Вернулся я, чтоб в опустевших гнездах
Твоих орлов
Найти хоть горстку праха
Перегоревшей юности моей.
Вернулся я молить тебя, деревня,
Чтоб ты меня тем прахом излечила
От горестей и хворостей моих.
Вернулся я,
Чтобы слезами мха,
Струящимися по уступам скальным,
Омыть, очистить сердце.
Я вернулся,
Чтоб дописать на ленте горных троп
Молитву камня, каменные грезы
И каменные тихие легенды,
Чтоб описать твоими же словами,
Простыми, тихими, простую тишину.
Вернулся я,
Чтоб дописать дыхание,
Здоровое, могучее дыхание,
Исправить добротой твоей, деревня,
Мою едва живую доброту.
Вернулся я
Затем, чтоб возродиться,
Чтоб на ногах моих осела пыль
Твоих долин, твоих тропинок горных
Чтоб над, моею головой курились
Туманы древние,
А на губах дрожали
Бутоны слов, готовые раскрыться,
В ушах звучала песня хлебороба.
В моих глазах —
Сквозь слезы десять солнц.
На языке —
Сегодняшний твой праздник
И старое название твое.

ВСЕ — ИСТИННОЕ ЧУДО

Все — истинное чудо красоты.
Стою в теснине, словно захмелев.
Струится детство тихое с дерев,
И радуга, и солнце, и цветы.

Окутав горы, синева небес
Влилась в пещеры, в каждую из нор,
В любую складку вековых гор
Кусочек синевы небесной влез.

Внутри пещеры я услышать смог,
Как тишина туман минувших дней
И влажных дум среди родных камней
Жует усердно, словно влажный мох.

Все — истинное чудо красоты,
Здесь каждый звук твоей душе потребен,
Здесь местное наречье, и молебен,
И родовые муки, и мечты.

От сочетанья этого я пьян:
Речь — современна, а любовь — дика...
Но что роднее для тебя, века
Прожившая, Наири* — мать армян?

*Наири - древнейшее название Армении

* * *

Что делать? Глаза закрыть.
Подумать. Снова открыть.
Собрать по кусочкам былое.
Горе утрат забыть,
Надеждами снова жить,
Доброе помнить — не злое,
Блуждающим снова не быть.
Не знаю, куда я дойду?
Не знаю, когда я дойду?
Камень лежит на веку —
Присяду и дальше пойду.

* * *

Бродит ветер, спит скала.
Если бы свои дела
Ласточка забыла вдруг —
Не искала бы, где друг,
Не искала корм вокруг,
Если было б недосуг
Вить гнездо, кормить птенцов,
Песни петь, в конце концов, —
Как без песен и забот
У нее прошел бы год?
За такой бесплодный год
Мир отдай ей — не возьмет.

* * *

Я — взбаламученный поток,
Ты — заблудившийся ручей.
Нам ливень встретиться помог
В одну из грозовых ночей.

Мы, тысячи камней разбив
На спуске диком и крутом,
Рванулись оба под обрыв,
Разбились оба. А потом

На самом крайнем рубеже
У моря вырвались из тьмы,
Не догадавшись, что уже
Друг друга потеряли мы.

* * *

Солнце с собой несет,
Горы с собой несет,
Голубые несет века
Зорзора-река.

А кто провожает их —
Солнце, горы, века?
А провожают их
Тропинки и берега.

Бежит, до моря бежит,
С огнем во взоре бежит,
По сердцу, где горе, бежит
Зорзора-река.

Берет мою ношу она,
Она-то меня спасет.
Мои заботы волна
Берет и с собой несет.

ТОЛЬКО Б НЕ ИССЯКЛА...

Был смутен лес. Река меж скал серела.
От запаха грибов и хвои прелой
Береза опьянела. В холодке
Она склонилась, белая, к тропинке.
Дождь речь свою закончил без запинки
И голос мутной передал реке.

Река неслась по каменным ступеням,
Гремела — помнишь? — извиваясь, пенясь,
Муть прочь гнала и вот уже со дна
Вся просветлела, заиграла...
Я слышал — про себя ты повторяла:
«Ах, не иссякла только бы она!»

* * *

То, что я воспеваю, — скалы,
То, что я воспеваю, — пещеры:
Один говорит — этого мало,
Другой говорит — не знает меры.
То, что я воспеваю, — века,
То, что я воспеваю, — дни:
Один говорит — не догнать никак,
Другой говорит — бездонны они.
То, что я воспеваю, — счастье,
То, что я воспеваю, — сердце:
Один говорит — это блестяще.
Другой говорит — это серо.
То, что я воспеваю, — добро,
Гимн добру — стихов основа:
Один говорит — это старо,
Другой говорит — это ново.

Пусть говорят... Их дело!
Только песня тогда лишь песня,
Если в сердце от боли тесно,
Не заживает рубец багровый.
К ней ярлык не приклеить — «ново»,
В ней не выжечь клеймо — «устарело».

И ВО СНЕ НЕ СНИТСЯ

Зазеленела высота,
Та, за которую я бился,
Зерном пшеницы налита
На ниве той, где я трудился.
Без счета песен создал я,
Но и во сне не снится та,
Ради которой я родился.

* * *

Немало есть еще границ на свете...

Есть, например, — одним и тем же плугом,
В земле, что общим вспахана усиьем,
Проломленные борозды разлуки.
И есть еще — пролегшие средь вод,
Одной и той же бурей взлохмаченных.
Невидимые есть еще — прорублены
Они в сердцах, одним и тем же плачем,
Одним и тем же пламенем зажженных.
И знайте, есть еще граница даже,
Меж сердцем проведенная моим
И мыслями, хотя одна и та же
Земля моя дала начало им,
Одним и тем же молоком вспоила.

Немало есть еще границ на свете...

НЕ МОГУ

1

Слабость одну
Победить не могу:
За зло добром
Не платить не могу,
Не сочинить тебя не могу,
Не затвердить тебя не могу,
Но и вымолвить
Вслух
Не могу.

2

Уйти от тебя,
Забыть не могу,
От тебя в себя
Уйти не могу.
От забот я сед,
От тяжелых лет
Я почти что дед,
А состариться — нет,
Не могу.

ЧТО ПОДЕЛАЕШЬ: Я — ЧЕЛОВЕК

Когда понять меня не прочь вы —
вот вам на счастье пара вех:
я — тверже камня, мягче почвы,
я, видите ли, человек.

Еще хозяин сам себе я,
и смел и прочен — хоть куда!
Зачем же слабого слабее
себе кажусь я иногда?

То прост и чужд любого блеска,
то сам — сплошная мишура,
то — лес, то сломленная ветка,
то пропасть я, а то — гора.

И, вечности самой владыка,
я раб мгновения порой.
Порой душа болит до крика,
тогда как на лице — покой.

Она, душа, — в процессе роста,
а уж к концу идет мой век...
Понять меня не так-то просто:
увы, увы, я — человек.

* * *

Ты знало все: смертельный страх,
печаль голодных лет.
И гневных чувств и взлет и крах.
И мглу тоски — вослед.

И ревности слепую власть.
И боль измены — вдруг.
И встреч восторженную страсть.
И горький смысл разлук.

Что ж, сердце, ныне, как и впредь,
лишь в том судьба твоя,
чтобы прочувствовать, воспеть
всю сложность бытия.

И морю этот непокой
изведать не дано,
не то и берег бы морской
разорван был давно.

Но, сердце, все вобрав в себя:
печаль, восторг, мечты, —
как, ненавидя и любя,
не разорвешься ты?!

ОСЕННЯЯ БАЛЛАДА

В последний раз, в последний раз дана
нам телеграмманм10Л1ния с небес:
«Объявлена воздушная тревога»...
Наш полномочный северный посол,
вдруг, все забросив, улетел журавль,
взяв грамоту верительную в клюв...
Уже скончалась бабочка — инфаркт...
Уже в газоубежище влетел
от страха ошалевший воробей...
Уже гора, покорная гора,
по всем законам светомаскировки,
спустила черный занавес небес...
Уж, грустно и пронзительно свистя,
холодный ветер, с гор сбежав тревожных,
одежду рвет с усталых бедных рощ...
И с раннего утра без перерыва,
без завтрака и ужина весь день
печатают осенние баллады
на пишущей машинке тихий дождь.

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ, МАМА?

Ах, сколько же я шлепков
изведал, и все — во благо.
А чтобы не смел я плакать,
и голос твой был суров.
Но, все завершив шлепком,
не ты ли сама, бывало,
и след его целовала,
и слезы лила тайком.
Какому ж греху, боже мой,
я этим ударом обязан?
За что я тобою наказан
потерей тебя же самой?
Вот плачу и слез не таю —
мне в этом никто не перечит,
никто поцелуем не лечит
и боль неземную мою...
Да, боль мою нынче никто
не примет в себя и не спрячет
и вместо меня не заплачет...
Что делать мне, мама?..

НАЧАЛО НЕНАЧАТОЙ СКАЗКИ

Теснина прижалась к теснине,
И горы толпятся кругом.
Сижу на скале я верхом,
Я каменный всадник отныне.

Вот-вот из земли и гранита
Природой изваянный конь
Взлетит, извергая огонь,
И в тучах омочит копыта.

Хоть я усмирил его норов,
Трепещущая тишина
Неведомым гулом полна,
Неведомо чьих разговоров

И все, что уже отзвучало,
Тревожно витает вокруг,
Любой угасающий звук —
Неначатой сказки начало.

В ТВОИХ ТАКИХ ЧИСТЫХ ГЛАЗАХ

Перелетные птицы
Летят, направляясь к югу,
Реки ищут прибежища
В соленых просторах морских,
Мир так понятен,
Когда мы
Смотрим в глаза друг другу
И я отражаюсь в чистых
И добрых
Глазах твоих.

Но свет твоих глаз порою
Бывает таинственно-зыбок, мм
И столько таит загадок
Глаз твоих темнота,
Что я разгадать не в силах
Даже твоих улыбок,
Грусти едва приметной
В чуть видных морщинах у рта.

Пойму ли,
Что так.
Родная,
Твои увлажняет ресницы
И от какого горя
Веки твои красны,
Куда река твоей грусти,
Кручины твоей
Стремится,
К чьим далям, подобно птицам,
Твои улетают сны?

А мне казалось, что в мире
Все загадки ясны.

* * *

Я счастье в жизни добывать могу,
Открою сердце всем
И не солгу,
Не буду перед щедрыми в долгу,
Для добрых лучшее приберегу.
Любить могу я до счастливых слез,
Беречь любовь от гроз и от угроз,
Страдать умею
И счастливым быть,
Могу быть умным
И про ум забыть,
Умею удивляться, гневным быть,
Спасать умею и могу рубить,
Могу помолодеть и возмужать,
Могу рукою мертвый камень сжать
Так, чтоб из камня потекла вода,
Могу оплакать прошлые года
И радоваться,
Что велик мой век...

Я потому — поэт и человек.

* * *

Круглый год, из года в год
Возле нас ручей течет.
Он в своих нещедрых водах
Запах наших огородов
Вдаль несет, несет, несет.

Дни и ночи напролет
Он бежит, он вдаль стремится,
Чтобы с Воротаном слиться,
Влиться в ширь поспешных вод.

Отцветает ли, цветет,
Дождь ли, ясная погода,
Дни и ночи напролет
Воротан бежит вперед,
Вечный, как сама природа.
И в любое время года
Запах наших огородов
Вдаль несет, несет, несет.

Воротан бежит к Аrazу,
Добегаёт, но не сразу,
Добегаёт и тотчас
Наших мест благоуханьем
И прерывистым дыханьем
Одаряет он Араз.

И Араз вперед, вперед
К морю синему течет,
Он к морским бескрайним водам
Запах наших огородов
Вдаль несет, несет, несет.

Море злится, скалы бьет,
Паруса тугие рвет,
А в спокойную погоду
Тихо корабли несет.
Но в морских волнах живет
Ручеек, что вдаль течет
Мимо наших огородов,
Где начало он берет.

ШИПОВНИК

Мартиросу Сарьяну

По прихоти веков меж серых скал
Навис утес над пропастью отвесной.
Причудливо склонился он над бездной,
Закрывши небо, сам он небом стал.

В его гранит шиповник врос корнями,
Растенье с камня как бы вверх ногами
Свисает, на две части мир деля.
И для его стволов холодный камень —
Одновременно небо и земля.

Растет неприхотливое растение,
Вбирая влагу с тучи, как с руки,
И видя солнце лишь как отраженье
От волн текущей в пропасти реки.

И хоть паренье горлиц легкокрылых
Колеблет чуткие его стволы,
Но даже бури горные не в силах
Согнуть шиповник, вырвать из скалы.

Он выше всех своих невзгод и тягот,
Он расцветает каждую весну
И сгустки крови — капли алых ягод —
Роняет осенью на крутизну.

Растет шиповник, недоступный людям.
Но, видный снизу, в нас рождает он
Мысль о капризах и различьях судеб
Гранитных скал, растений и племен.

В родимую скалу уйдя корнями,
Растет шиповник, мира не чуя,
Нет неба, нет земли, есть только камень,
И этот камень — небо и земля.

КОГДА НЕ ПИШЕТСЯ

Сколько месяцев подряд
Все горит, дожди не льются,
Дали громом не гремят д
И деревья не смеются!

Сколько месяцев подряд
Не взлетают в небо птицы,
Песни в мире не звучат.
Если где пройти случится,
Пыль за мною не клубится,
Камни мертвые молчат.

Сколько месяцев подряд
Не сидится мне, не спится,
Что ни скажешь — все не в лад.
Предо мной бела страница,
Слово в строчку не ложится,
В сердце строчки не горят.
Долго ль это все продлится?
Может, и не возвратится
Жизнь моя ко мне назад?

* * *

Со своим талантом невеликим,
Со своим величием безликим,
С тихим словом, с малым даром пеня,
Со своей не новой точкой зренья,
С жизнью пройденной, не слишком сладкой,
Со своей крестьянскою повадкой,
Со своей извечною любовью.
Со своею кротостью воловьей,
Кем-то признан, кем-то нелюбим,
Ты идешь, твой путь неповторим.

* * *

О время, пожалей меня,
Верни, благое сделай дело,
Хоть редкий дым того огня,
Которым молодость горела.

Иль от моих грядущих дней
Даруй мне малую частицу —
Хоть дальний отблеск тех огней,
Что будут для меня светиться.

Всесильно в мире только ты,
И лишь твоей подвластны длани
И облака моей мечты,
И пропасти воспоминаний.

* * *

Ты, первая любовь моя, была
Подснежником.

Не долго ты любила,
В снегу под первым солнцем расцвела
И веки влажные свои смежила.

Вторая, ты фиалкою цвела,
В траве густой смеялась ты украдкой,
И хоть в сравненье с первой ты была
Счастливою, но тоже слишком краткой.

А третья розой алою цвела,
На выдумки и козни таровата,
Свои шипы мне в сердце вогнала,
Кого-то одаряя ароматом.

* * *

Голову уткнув в колени,
Я сижу в преддверье тьмы.
Я гляжу, как в отдаленьи
Слились горы и холмы.

И средь гор есть поколенья.
Знаю я наверняка:
Меж веками их рожденья
Тоже пролегли века.

Но сейчас одно виденье
Вижу я издалека:
В сумерках смешались тени,
Превратились в облака.

ПЕРЕПЕЛА

Вы, перепела мои,
Дали мне крыла мои,
Чтобы ввысь и я взлетал,
Чтобы мне слагать сказанья,
Сокращая расстоянья
От небес до наших скал.

Даже ночью мы взлетали,
Звезды, как зерно, клевали,
В полдень над коврами трав
Мы кружили и парили,
Землю песнями дарили,
В клювах радугу зажав.

Ввысь взмывала наша стая,
В ясных взглядах отражая
Звезды ночи, краски дня.
Если вы не перебиты,
О птенцы Лораовита,
Как вам ныне без меня?

КУДА УШЛИ!

Куда ушли?
Как вы прошли,
Не мог я уследить,
Я не заметил дня,
Мне не в чем вас винить,
Мне жаловаться некому.
Но стоит мне закрыть
Глаза —
Вы у меня
Под веками,
Под веками!

ДОЖДАТЬСЯ БЫ ВНОВЬ ЧУДА

Вот бы чуда вновь такого
Мне дождаться довелось! —
Тень мою ручей бы снова
Дочке мельника отнес.

Подбежал бы, в щепки, дерзкий,
Мельницу мою разнес
И с моей любовью детской
Дочке мельника отнес.

Рыб держа в прозрачном лоне,
Точно стайку красных звезд,
Солнце в золотой короне
Дочке мельника отнес.

Слез моих свидетель тайный,
Слова бы не произнес, —
Жгучее мое страданье
Дочке мельника отнес.
И опять, гоняя струи,
Взял бы, как в ту пору грез,
Он любовь мою простую,
Дочке мельника отнес.

Вот бы чуда вновь такого
Мне дождаться довелось...

Я БЫЛ БОГАТ

Не золотом, упрятанным в мешок,
Я был богат счастливыми мечтами.
Я семь небес легко купить бы мог,
Чтоб все тебе их подарить на память.

Но не хотела ты мой дар принять.
Тебе от жизни было нужно мало:
Из всех богатств платок, чтоб утирать
Слезу, что на глаза мне набегала.

Я был богат не золотом в горсти,
А тем, что в памяти моей осталось.
Я мог бы все моря приобрести
И дать тебе, но в них ты не нуждалась.

Ты не брала ни берегов, ни вод,
Ты в зеркало гляделась безутешно.
Ждала, что в волосах твоих всплывет
След от моих недавних пальцев грешных.

Не золотом, сжимаемым в горсти,
Я был богат; мой клад — мои утраты.
Я мог бы звезды Млечного Пути
Купить и дать тебе, но не брала ты!

Не к небесам ты устремляла взор,
Тебе нужна была иная малость —
Из всех сокровищ вытертый ковер,
Где след застыл мой, как тебе казалось.

Тебе отдать хотел я семь миров,
Но были не миры нужны для счастья.
Ты от меня ждала сердечных слов,
И доброты немного, и участия.

Я был богат и, заплатив сполна,
Мог вечность подарить тебе, как слово,
Но вечность не была тебе нужна,
Был нужен месяц иль хоть день медовый.

Ты жалких не брала даров моих,
Все ценности с досадой отвергая,
Тебе из всех сокровищ золотых
Нужна была лишь свадьба золотая.

Я был богат, владел я, богатей,
Землей и небом — всем, что видит зрячий.
Я богатейшим был среди людей,
Но ты любила, ты была богаче.

* * *

Нет, не зовите, не сулите рай!
Как я могу оставить этот край?
Как я переселюсь в другой предел,
Где нет айренов, песен оровел?

Я думаю с тревогой и со страхом
Про жизнь свою и смерть в земле иной.
Пусть смертный, я и здесь смешаюсь с прахом,
Но здесь моя земля и прах родной.

Мне счастья не найти в чужих долинах,
В краю ином, где б вскоре я зачах,
Нет столько солнца в снеге на вершинах,
Нет столько снега в солнечных лучах.

Как я уйду с земли, где каждый камень,
Ручей, и борозда, и старый сад
В мои глаза моими же глазами,
Глазами детства пристально глядят?

Земля моя, я на любые беды
Готов идти с тобой, тебя любя.
Как поднимусь я и куда уеду,
Как жить я буду где-то без тебя?
Как жить я буду где-то без себя?

* * *

К утесам этим мир наш добросерд,
Их озаряет солнце спозаранку.
Ложится небо на Воротнаберд,
Текут ручьи по Цицернакаванку.

Им первым утро дарит добрый свет,
Бесценных кладов полны их глубины.
Все есть у скал, и только смерти нет,
А значит, нет и песни лебединой.

* * *

Гроза хоть и прошла,
по кручам долго
Грохочут камни, все вокруг крутил
Хоть дождь прошел, с горами тучи долго
Едины, словно тело и душа.

Хоть утихает буря над волнами,
Еще волнуется морской простор.
Когда закат уже погасит пламя,
Еще огнем пылают склоны гор.

* * *

На ребрах гор — тропа моих скитаний...
С тех пор когда и я был молодой,
На камне след слезы, в горах сказанье
Остались от любви моей былой.

Теперь, как облако в тумане мгlistом,
Я поднимаюсь на скалу и там,
Старик, я слезы лью по прежним, чистым,
В дни молодости пролитым слезам.

* * *

Дорога снов моих в который раз
В том синем мире детства заблудилась,
Где все таким же было, как сейчас,
Где все за эти годы изменилось.

Здесь те же склоны, реки и луга,
И лишь роса другая серебрится,
Другие волны бьются в берега,
Над склонами кружат другие птицы.

Другие ветры из-за гор летят,
Не те цветут тюльпаны, что когда-то,
Другие дети на камнях сидят,
Другие овцы блеют и ягнята.

Дорога снов моих в который раз
В том синем мире детства заблудилась,
Где все таким же было, как сейчас,
И все со мною вместе изменилось.

* * *

Слившись с миром этой ночью поздней,
Собственным понятиям вопреки
Все в себя вобрав: луга и звезды,
Я брожу по берегам реки.

Или, может, сам я стал рекою,
Сам скачу по склонам и камням,
А река, на время ставши мною,
Все в себя вобрав, что под луною,
По моим блуждает берегам.

* * *

Журчит, журчит по взгорью
Чуть видный ручеек.
Течет, течет и вскоре
Вливается в поток.
Поток, с камнями споря,
Бежит к реке, широк.
Река стремится к морю,
И путь ее далек.
Кто помнит тот на взгорье
Далекий ручеек?
Но горе, если море
Забудет свой исток.

* * *

Я помню: осени пожар
По склонам вьется ввысь.
Горит его холодный жар.
Как от огня спастись?
А что спастись от него,
Когда не жжет он никого?
Не страшен он и мне,
Но годы детства моего
Сгорают в том огне.

* * *

Куда бы ни шел я, куда б ни летел,
Манили меня из тумана
Своею прохладой вершина Гязбел,
Шумливый поток Воротана.

Зовут меня камни родной стороны,
Чинары у дома родного,
Зовут меня пахари и чабаны —
Товарищи детства бывшего.

И сладко мне думать, что, где б я ни жил,
Туда мне дано возвратиться,
Что песни, которые так я любил,
Споют мне сюникские птицы.

* * *

Мы всегда друг друга знали,
В мае вместе расцветали,
Деревца в садах и я.

Мы всегда друг друга знали,
Вместе пели и журчали,
Ручейки в горах и я.

Знали мы всегда друг друга,
И пугали мы друг друга,
Лань проворная и я.

Мы всегда друг друга знали,
Вместе громом громыхали,
Буря горная и я.

Заметает годы вьюга,
Ныне знаем мы друг друга,
Я, седой, да край родной.

Вертится земля по кругу,
Мы глядим в глаза друг другу,
Я и век мой прожитой.

* * *

Теперь уже того, что было, нет,
И женщины давно твой взгляд не ловят,
И юноши тебе не смотрят вслед,
И на пирах тебя не славословят.

Жизнь все, что нам дала, назад берет.
Уходят наша молодость и сила.
Будь рад тому, что жизнь твоих забот,
Невзгод тебя покуда не лишила.

* * *

Бывает: сердце болью изойдет,
Но слово вовремя все ж не рождается.
Бывает: не прольется дождь с высот,
И в поле жаждущем горит пшеница.

Приходят блага жизни к нам подчас
То слишком поздно, то чрезмерно рано.
И очень редко одаряет нас
То, что нам нужно и еще желанно!

ПЕСНЯ

Ты родилась из чистых звездных слез,
Из ледников, из высей поднебесных,
Из сердца облаков, из снежных уст,
По каплям собиралась,
Превращаясь
В немолчный водопад, что, с водопадом
Соединившись, превратился в реку
Грохочущую, мчащуюся с гор.

С рычанием ворочая каменья,
Ты русло проложила для себя,
Вскипала, пенилась, сама себя терзала,
Слетая вниз по острым зубьям скал.

Передралась со скалами,
Разбила
Их в долгой битве, и сама разбилась,
И выровняла, наконец, себя,
Чтоб, позабыв Дарьяльское ущелье,
Как Терек по долине, тихо течь.

* * *

Как эта песнь ясна и как печальна...
Дух детства в ней, согрет им каждый звук —
Как будто вновь иду я степью дальней,
Вновь из-под ног взмыл жаворонок вдруг.

Туман зеленый тянется с низовий,
Взмахнул крылом, готовится в полет,
И зелень нив зеленый ветер снова
С холмов спускает, в отчий дом несет.

Проходит снова девушка полями,
Хлеб за плечами в кожаном мешке...
Прошла она как розовое пламя,
Остался отсвет на моей щеке.

Я вынимаю хлеб — всю нашу пищу, —
Но в хлебе том* клянусь им, ни куска
Подобно ей румяного не сыщешь,
Сожженного подобно мне клочка.

Уж небо, тьмой подернуто, ослепло,
Окутал гору сумрак, словно дым,
Я уношу с собою крошки хлеба,
Пропавшие запахом степным.

Чуть свечерет, слышу песню эту,
Она ко мне приходит в тишине.
В ней что ни слово — памятная мета, —
Былое возвращается ко мне.

*Лаваш подразумеваться.

ИМЯ ТВОЕ

Армения, имя твоё
Услышав, я в скалах жильё
Из каменных плит вспоминаю
Гнездо на карнизе моста,
Величья бывшего места,
Зубцы крепостей вдоль хребта,
Разрушенный скит вспоминаю.

Под крышкой замшелой тониры*
Что годы покинутый дрогнет,
Шиповник, пробившийся в мир
Из выбоины порога.
И посох, истертый в пути
О камни нездешнего края,
Вздых тяжкий с последним прости
И топот копыт вспоминаю.

Нагорье в сверканье лучей,
Снегов белизну в поднебесье,
Свисающий ниткой ручей,
В чьем горле журчанье и песни.
И клевера синий цветок
На поле пшеничном, у края,
И шепот соломы, и стог,
Что возле межи одинок,
Насуплен стоит, вспоминаю.

*Тонир – печь для лаваша

ГЯЗБЕЛ

И снова устремлюсь я в вышину,
Дышать снегами моего Гязбела.
Омою руки в туче и вздремну
Под облаками моего Гязбела.

Я поднимусь отвесною тропой,
Я опьянюсь небесной высотой,
Мне тень подарит белая скала,
И мерой собственного вдохновенья
Измерю я величие орла,
И мощь его, и высоту паренья.

И снова в снег зароюсь, словно в мех,
И все, что было черно, станет бело.
Потом спущусь я и оплачу всех
Тех, у кого нет своего Гязбела.
